

УДК 94(47).07

DOI: 10.18413/2075-4458-2018-45-2-318-325

**ПРЕОДОЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СПЕЦИФИКИ НАСЕЛЕНИЯ
ЮЖНОРУССКОГО ФРОНТИРА В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВВ.
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМБОВСКОЙ ГУБЕРНИИ)**

**OVERCOMING SOCIAL SPECIFICITY OF THE POPULATION OF THE SOUTHERN
RUSSIAN FRONTIER AT THE END OF XVIII – FIRST HALF OF XIX CENTURY
(ON MATERIALS OF TAMBOV PROVINCE)**

В.В. Канищев
V.V. Kanishchev

Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина,
Россия, 392000, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

Tambov state University named after G. R. Derzhavin,
33 International Str., Tambov, 392000, Russia,

E-mail : valcan@mail.ru

Аннотация

В статье на материалах наиболее специфичной в историко-географическом отношении территории южного русского фронта Тамбовской губернии рассматривается процесс изживания специфических черт социального состава населения недавно окраинной территории Российского государства. На основе окладных книг ревизских переписей 1786, 1793, 1796, 1808, 1814, 1817, 1834, 1836, 1851, 1858 гг. автор показывает завершающую часть процесса превращения различных категорий фронтального населения (однородцев и их дворовых людей, социально-национальных групп ясачных и будных крестьян, мурз и татар, черкас, малороссиян, цыган и др.) в единую сословную группу государственных крестьян, к середине XIX в. полностью вошедшую в состав населения метрополии. Приведенные в статье расчеты дадут возможность верифицировать ранее созданную фрактальную модель развития зоны южнорусского фронта и наряду с этим дополнить сложные математические формулировки вполне понятными описательными данными.

Abstract

In the article on a case study of the territory of the southern Russian frontier of Tambov province most specific in the historical and geographical relation, the process of healing the specific features of the social structure of the population of the recently outlying territory of the Russian state is considered. On the basis of tax books 1786, 1793, 1796, 1808, 1814, 1817, 1834, 1836, 1851, 1858 yrs. the author shows the final period of transformation of various categories of the frontier population («odnodvortsy» and their servs, socially-national groups of «yasachnye» and «budny» peasants, Murzes and Tatars, Cherkasts, Gypsies, etc.) into the integral group of the state peasants which by the middle of XIX century was completely a part of the population of metropolis. The calculations given in the article will make it possible to verify the previously created fractal model of the development of the zone of the South Russian frontier and, at the same time, to supplement the difficult mathematical formulations with quite clear descriptive data.

Ключевые слова: фронт, Тамбовская губерния, социальный состав населения, государственные крестьяне.

Key words: frontier, Tambov province, social structure of the population, state peasants.

История юга Европейской России в свете теории фронта начала изучаться только в последние десятилетия [Белаш, 1998; Каппелер, 2003; Мизис, Скобелкин, Папков, 2015]. Но следует подчеркнуть, что новые подходы опираются на солидную историографическую традицию изучения политических, экономических, социальных аспектов русского

заселения Центрального Черноземья и сопредельных территорий [Швецова, 1966; Загоровский, 1969; Важинский, 1974; Мизис, 1990; Скобелкин, 2013]. При этом социальные аспекты темы остаются наименее изученными. Большинство историков обращалось пока к изучению особенностей структуры населения региона в XVII в., в меньшей мере в первой половине XVIII в. Между тем, общепризнанным является положение о том, что освоение Черноземного Центра продолжалось до середины XIX в.

Как мы отмечали ранее, одним из показателей, характерных для зоны южнорусского фронта, является особый состав населения, наличие в нем отличавшихся от коренного населения метрополии («старомосковских земель») социально-сословных, социально-национальных и социально-конфессиональных групп населения [Жуков, Канищев, Лямин, 2015]. Однако на той стадии изучения проблемы мы больше задумывались над формализацией показателя для построения модели развития южнорусского фронта. Считаем необходимым дополнить модельные построения конкретным историческим описанием, дабы «оживить» характеристику социальной структуры фронтальной зоны.

Тамбовская исследовательница Е.Ю. Иванова-Малофеева в специальной работе о реформе государственной деревни в Тамбовской губернии особо выделила группу «нечастновладельческих крестьян». По ее мнению, таковые принадлежали к различным категориям: однодворцы, однодворческие крестьяне, экономические крестьяне, свободные хлебопашцы, ясачные крестьяне, бывшие удельные, переданные в казенное ведомство, ямщики. Отдельно эта исследовательница упоминает о том, что в Елатомском, Темниковском, Спасском и Шацком уездах проживали татары, селившиеся на этих землях под именем служилых и пашенных еще со времен царствования Ивана Грозного [Иванова-Малофеева, 2005, с. 12–13].

В этих категориях сочетались как давние представители населения метрополии, так и «остатки» населения зоны фронта. Экономические крестьяне 1830-1840-х годов были потомками монастырских и церковных крестьян, которых в XVI – XVIII вв. православная церковь в союзе с государством переводила на вновь заселяемые южные окраины из «старомосковского» центра Российского государства. Категория удельных крестьян была образована в 1797 г. из московских дворцовых крестьян, которые населяли дворцовые волости с XVI в., в том числе Верхоценскую волость на территории будущей Тамбовской губернии. Другими словами, эта категория населения изначально была прочно связана с метрополией. Профессионально-сословная группа ямщиков зародилась в Московском государстве еще в XVI в. и с момента возникновения была однородной для всей территории России. Категория свободных хлебопашцев появилась в начале XIX в. как результат единого для всей России указа о вольных хлебопашцах.

К фронтальному по происхождению населению из перечня Е.Ю. Ивановой-Малофеевой можно отнести однодворцев, однодворческих крестьян, ясачных крестьян. Напомним, что однодворцы трансформировались в XVIII в. из категории служилых людей, которые в XVI–XVII вв. несли службу на засечных чертах южной окраины Русского государства.

На наш взгляд, этот перечень не является полным. Привлеченные нами источники указывают и другие группы населения, связанные с некогда окраинным положением Тамбовской губернии. Эти группы были немногочисленны, но их учет важен для понимания механизмов социальных процессов в зоне фронта, постепенности включения в единое население Российского государства отдельных сословных, социально-национальных, социально-конфессиональных групп.

Тамбовская губерния в силу своей историко-географической специфики оказалась наиболее подходящим объектом нашего исследования. Территории ее северных уездов вошли в состав Московского государства до XVII в. Но в последующие века сохраняли фронтальное положение по причине особенностей национально-религиозного состава населения. Как минимум до середины XIX в. здесь проживали заметные по численности социально-национальные и социально-конфессиональные группы мордвы и татар. Сре-

динные и южные уезды губернии в политико-правовом отношении стали частью Российского государства в XVII – XVIII вв., а в социально-экономическом плане продолжали осваиваться в XIX в. главным образом однодворцами.

История Тамбовской губернии этого периода достаточно представительного обеспечена материалами всероссийских ревизских переписей и различными источниками, созданными в местных государственных учреждениях.

Для изучения процесса вхождения бывшей фронтальной зоны в состав метрополии важно выяснить развитие консолидационных явлений всех выделенных нами специфических групп населения как предпосылку образования единой сословной группы государственных крестьян. Эти явления особо стали проявляться в конце XVIII – первой трети XIX в.

Данные переписей конца XVIII в. (окладных книг 4-й ревизии 1786 и 1793 гг.) [Переписи населения России. 1972, вып. IV, с. 31,32; Переписи населения России. 1972, выпуск V, с. 34–36] свидетельствуют о том, что однодворцы сохраняли еще преобладающий удельный вес в уездах Тамбовской губернии, располагавшихся в XVII в. непосредственно в зоне Белгородской и более южных оборонительных черт, а, другими словами говоря, являвшихся зоной фронта:

Усманский уезд – 72%,
Липецкий уезд – 66%,
Лебедянский уезд – 55%,
Борисоглебский уезд – 54%
Козловский уезд – 53%.

В Тамбовском и Кирсановском уездах, находившихся в XVII в. по обе стороны Белгородской черты, а в течение XVIII в. очень активно заселявшихся помещиками и их крестьянами, к концу XVIII в. сохранилось заметное количество однодворцев – 40% и 16% соответственно.

В 1786 г в северных уездах губернии (Елатомском, Кадомском, Спасском, Темниковском, Шацком), которые уже в XVII в. находились сравнительно далеко от оборонительных черт, однодворцы исчислялись единичными процентами или даже их долями. В Спасском уезде в материалах ревизской переписи вообще зафиксирована лишь одна однодворческая душа.

Но как раз в этих уездах в конце XVIII в. числилось большинство категории «государственные крестьяне». В тот период, судя по расшифровкам других источников, в эту категорию включались различные социально-национальные группы: ясачные и будные крестьяне, мурзы и татары. Наибольшее их представительство отмечено в уездах со значительной долей татар и мордвы:

Спасский уезд – 47%,
Темниковский – 39%,
Кадомский – 23%.

Кроме этого, в окладной книге 1786 г. указаны такие особые национальные группы, как черкасы (2 107 человек) и цыгане (76 человек). Они составляли всего 0,5% населения губернии. При этом в бывшей «самой гуще» южнорусского фронта, Борисоглебском и Тамбовском уездах, их насчитывалось 2,5% и 1% соответственно.

Важно заметить, что к концу XVIII в. большинство служилых черкас уже считались владельческими (1 866 человек). Судя по всему, они попали под раздачу казенных земель частным владельцам. Другими словами, этот факт позволяет уловить момент перехода некогда фронтальной социально- национальной группы (еще сохранили название черкасы) в типичную для метрополии категорию помещичьих крестьян.

Интересна графа окладной книги 1786 г. под названием «живущих у помещиков в услужении разных наций вольных людей». В ней записано всего 16 человек. Но для нас важным обстоятельством является то, что, как явствует из расшифровки, практически все эти люди были «из пленных» различных внешних войн России (турки, поляки, волохи, прусаки). Следствием военных столкновений в зоне южнорусского фронта могло быть

только проживание в Тамбовской губернии двух калмыков. В последующих переписях не было уже и этих деталей.

В окладной книге 5-й ревизии по Тамбовской губернии (1796 г.) [Переписи населения России. 1972, вып. VI, с. 30–32] в строке однодворцы сделана приписка «и прежних служилых людей и пехотных людей». Такая формулировка является весьма очевидным напоминанием о военно-служилом прошлом однодворцев и их прямом отношении к населению фронтальной зоны.

Эта категория по-прежнему оставалась преобладающей по удельному весу населения срединных и южных уездов Тамбовской губернии:

- Усманский уезд – около 70% (практически совпадение),
- Борисоглебский уезд – около 65% (примерно на 10% больше),
- Лебединский уезд – около 55%, (практически совпадение),
- Козловский уезд – около 55% (практически совпадение),
- Липецкий уезд – около 50 % (примерно на 15% меньше),
- Тамбовский уезд – около 50% (примерно на 10% больше).

Сравнение с 1786 г. показывает, что данные 1796 г. заметно отличаются от данных предыдущей ревизии. Полагаем, что это связано с невозможностью точного учета «пестрых» групп еще не консолидированных государственных крестьян, а также разной степенью завершенности в уездах Тамбовской губернии процесса передачи казенных крестьян помещикам, который продолжался до начала XIX в.

С однодворцами были связаны такие группы населения губернии, как однодворческие дворовые, черкасы и малороссияне, «живущие на землях великороссийских». Впервые появилась группа под названием «цыгане казенные». Конечно, все эти группы были не столько многочисленны, как собственно однодворцы. В процентном отношении ни в одном из тамбовских уездов они не превышали 1%. Но мы их фиксируем потому, что они были характерны именно для зоны фронта. Таких групп практически не могло быть в «старомосковских» губерниях.

В материалах 1796 г. для нас особо интересна категория государственных крестьян, «по прежнему названию ясашных». Эта категория, как и прежде, имела значительный удельный вес в ряде северных уездов Тамбовской губернии:

- Спасский уезд – 44%,
- Темниковский уезд – 32%,
- Елатомский – 5%.

В окладной книге 1808 г. [Переписи населения России. 1972, выпуск VII, с.17-20], являвшейся продолжением обработки материалов 5-й ревизии, существенных отклонений от предыдущей книги сравнительно немного. Наиболее заметное отклонение проявилось в учете количества однодворцев. В зоне их традиционного проживания их количество заметно уменьшилось, на 5 и более процентов:

- Лебединский уезд – более 1000 человек,
- Кирсановский уезд – почти 1000 человек,
- Усманский уезд – более 700 человек,
- Липецкий уезд – около 600 человек,
- Борисоглебский уезд – около 300 человек,
- Тамбовский уезд – около 100 человек.

Конечно, возникающий вопрос требует специального изучения. Но смеем предположить, что это сокращение однодворцев могло быть следствием произошедшего в течение 12 лет их перевода в помещичьи крестьяне, что являлось очередным проявлением изживания фронтальной социальной специфики.

Считаем существенным и то, что в окладной книге 5-й ревизии в строке однодворцы исчезла прибавка о прежней службе. Видимо, в начале XIX в. она совсем утратила свое значение. Во всяком случае, во всех последующих до середины века окладных книгах такая прибавка не встречается.

Государственные крестьяне, которые в 1796 г. числились с напоминанием о прежнем ясачном положении, в 1808 г. почти при том же количестве записаны как просто государственные. С другой стороны, у вольных черкас вновь появилась приписка казенные. Частновладельческие черкасы в качестве самостоятельной группы в окладной книге 1808 г. вообще не отмечены.

В соответствии с окладной книгой 1814 года (итоги 6-й ревизии) [Переписи населения России. 1972, выпуск VIII, с.7–8], с одной стороны, однодворцев впервые стали учитывать вместе с их дворовыми людьми, с другой, – появились новые формулировки для обозначения отдельных групп государственных крестьян: «казенные поселяне», «казенные малороссы». Все эти группы были численно невелики, насчитывали в целом по губернии несколько сотен человек. Ни в одном из уездов их представители практически никак не влияли на специфику социального состава населения. Но эти формулировки явно свидетельствовали о стремлении государства «подтянуть» в казну еще недавно особые группы жителей окраинных территорий.

Подсчеты удельного веса однодворцев (в данном случае вместе с их дворовыми) показали большую их близость к цифрам 1786 г.:

- Липецкий – около 70%,
- Усманский – около 70%,
- Борисоглебский – около 60%,
- Козловский уезд – около 55%,
- Лебедянский уезд – около 55%,
- Тамбовский уезд – около 35%.

Появлением противоречивости процесса огосударствления населения фронтальной зоны в той же окладной книге 1814 г. стала фиксация таких нехарактерных для территории метрополии групп, как крестьяне «ясашные» и «будные», а также «мурзы и татары».

Они исчислялись тысячами только в трех уездах губернии – Темниковском, Елецком и Спасском. В процентном отношении их доля была велика лишь в двух – более 35% в Темниковском уезде, более 45% – в Спасском. В составе населения Елатомского уезда представители таких национально-сословных групп насчитывали всего 5%. Эти показатели оставались на уровне конца XVIII в.

Буквально через три года (Окладная книга 1817 г., итоги 7-й ревизии) [Переписи населения России. 1972, выпуск IX, с.52] учет «званий людей» заметно упростился. Помимо однодворцев и их крестьян все остальные интересующие нас категории населения были объединены в строку «государственные крестьяне разных наименований».

Данные о доле однодворцев в составе населения уездов практически совпали с данными 1814 г.

Данные окладной книги 1817 г. о государственных крестьянах разных наименований существенно отличались только по Спасскому уезду – 70% против 45% в 1814 г. Скорее всего, такое отличие связано с тем, что в 1817 г. в «разные наименования» попали экономические крестьяне, которые в 1814 г. числились отдельно и составляли около 20% населения уезда.

В основной, так сказать, сетке Окладной книги 1834 г. [Переписи населения России. 1972, выпуск IX. Ч.2, с.175-178] представлены 3 группы государственных крестьян: государственные крестьяне, их дворовые (на этот раз отдельно в числе «поселян имений, принадлежавших частным владельцам») и государственные крестьяне разных наименований. В примечании к таблице понятие государственные крестьяне разных наименований расшифровано. К «остаткам» фронтального прошлого можно отнести «государственных собственно так называемых», «ясашных», «будных», «казенных поселян», «мурз, татар и из них новокрещенных», «черкас казенных». Особо следует оценить указание на присутствие среди мурз и татар новокрещенных людей, что свидетельствует о стремлении государственной православной церкви включить специфические сословно-конфессиональные группы населения, характерные для зоны фронта в состав коренного населения метрополии.

Одноворцы, опять-таки учтенные вместе со своими дворовыми людьми, и по данным этой ревизии продолжали преобладать в центральных и южных уездах Тамбовской губернии:

Липецкий – около 70%,
Усманский – около 65%,
Борисоглебский – около 60%,
Лебединский уезд – около 60%,
Козловский уезд – около 55%,
Тамбовский уезд – около 30%.

Отклонения от данных 1817 г. в отдельных уездах были в пределах статистических погрешностей (не более 5%). Это может говорить о том, что процесс перевода одноворцов в помещичьи крестьяне уже прекратился, а слияние с другими группами казенных крестьян еще не началось.

Об этом же говорит и то, что в северных уездах губернии великой оставалась доля национально-сословных групп: Спасский уезд – свыше 70% (вероятно, эти группы опять учтены вместе с экономическими крестьянами), Темниковский – около 40%. Заметным в сравнении с остальными девятью уездами Тамбовской губернии была доля будных крестьян, а также мурз и татар в Елатомском уезде – более 5% населения.

В окладных книгах 1836 [Переписи населения России. 1972, выпуск IX. Ч.2, с. 189–192] и 1851 [Переписи населения России. 1972, вып. X. Ч.2, с. 219–223] годов прописаны те же 3 группы (одноворцы, их крестьяне, государственные крестьяне разных наименований). Применительно к третьей группе в примечаниях к основной таблице аналогичной осталась расшифровка групп государственных крестьян.

Данные окладных книг 1836 и 1851 гг. относительно одноворцов и крестьян разных наименований практически полностью повторяли сведения предыдущей книги. Видимо, в ходе 9-й ревизии 1850–1851 гг. еще не были учтены изменения в составе населения казенной деревни, произошедшие в ходе реформы П.Д. Киселева.

Существенные изменения в подсчетах казенного населения после этой реформы отразила «Первичная ведомость Тамбовской казенной палаты 1858 г.»¹. В этом документе уже исчезло понятие одноворцы и государственные крестьяне разных наименований. Нет и расшифровки последней группы. Обе группы объединены в строку государственные крестьяне, что с точки зрения освоения фронтальной территории можно считать окончательным включением населения этой территории в состав коренного населения метрополии.

Мелкими «статистическими погрешностями» можно назвать сохранение в ведомости отдельных упоминаний казенных крестьян и одноворческих крестьян. Но их величины были совсем невелики (105 и 72 человека соответственно на всю губернию), что дает возможность утверждать о полном формальном выравнивании некогда специфических групп населения зоны южнорусского фронта с населением «старомосковских земель». Другое дело, что бывшие служилые люди-одноворцы, ясачные и будные крестьяне, черкасы и т.д. долгое время сохраняли особенности быта и менталитета. Мы полагаем, что этот вопрос уже не относится к теории фронта.

Доля государственных крестьян в населении отдельных уездов Тамбовской области исчислялась следующим образом:

Борисоглебский уезд – около 70%,
Лебединский уезд – около 70%,
Липецкий уезд – около 70%,
Спасский уезд – около 70%,
Усманский уезд – около 70%,
Козловский уезд – около 60%,
Тамбовский уезд – около 50%,

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571. Оп. 6. Д. 1023. Лл. 409-414.

Темниковский уезд – около 40%,
 Моршанский уезд – около 40 %
 Кирсановский уезд – около 35%,
 Елатомский уезд – 20%,
 Шацкий уезд – около 15%.

По понятным причинам государственных крестьян оказалось больше, чем однодворцев. Но уже в половине уездов Тамбовской губернии они не составляли абсолютного большинства населения, в губернии в целом – примерно половину. Наряду с указанными выше правовыми формальностями это можно считать очевидным статистическим свидетельством того, что в середине XIX в. социальном отношении губерния перестала быть фронтальной зоной.

Приведенные в статье расчеты, надеемся, дадут возможность детализировать и в очередной раз верифицировать ранее созданную фрактальную модель развития зоны южнорусского фронта. Наряду с этим, помимо сложных математических формулировок историки получают вполне понятные им описательные данные.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00313 А: «Русский фронт: социально-экономическая динамика, повседневные модели населения, образование государственной территории и мобильная граница. XVI – нач. XIX в. (по материалам южных и юго-восточных уездов Центрально-Европейского региона)».

Список литературы References

1. Белаш Н.Ю. 1998. Зона освоения (фронт) и ее образ в американской и русской культурах. *Общественные науки и современность*. 5: 5-19.
 Belash N.YU. 1998. Zona osvoeniya (frontir) i ee obraz v amerikanskoj i russkoj kul'turakh. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*. 5: 5-19.
2. Вазинский В.М. 1974. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж: Воронежский государственный педагогический институт, 237.
 Vazhinskij V.M. 1974. Zemlevladenie i skladyvanie obshhiny odnodvortsev v XVII veke. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij institut, 237.
3. Загорский В.П. 1969. Белгородская черта. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 291.
 Zagorovskij V.P. Belgorodskaya cherta. 1969. Voronezh: Izdatel'stvo Voronezhskogo universiteta, 291.
4. Жуков Д.С., Канищев В.В., Лямин С.К. 2015. Конкретно-историческое обоснование расчёта значений управляющих факторов динамики южнорусского фронта в XVII – середине XIX вв. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*. 10: 16-30.
 Zhukov D.S., Kanishhev V.V., Lyamin S.K. 2015. Konkretno-istoricheskoe obosnovanie raschyota znachenij upravlyayushhikh faktorov dinamiki yuzhnorusskogo frontira v XVII – seredine XIX vv. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 10: 16-30.
5. Иванова-Малофеева Е.Ю. 2005. Реформа государственной деревни в Тамбовской губернии (середина 30-х – середина 50-х гг. XIX в.). Тамбов: Изд-во Тамбовского государственного технического университета, 196.
 Ivanova-Malofeeva E.YU. 2005. Reforma gosudarstvennoj derevni v Tambovskoj gubernii (seredina 30-kh – seredina 50-kh gg. XIX v.). Tambov: Izd-vo Tambovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta, 196.
6. Каппелер А. 2003. Южный и восточный фронт России в XVI–XVIII вв. *Ab Imperio*. 1: 47-64.
 Kappeler A. 2003. Yuzhnyj i vostochnyj frontier Rossii v XVI–XVIII vv. *Ab Imperio*. 1: 47-64.
7. Мизис Ю.А. 1990. Заселение Тамбовского края в XVII-XVIII веках: Учеб. пособие. Тамбов, Тамб. гос. пед. ин-т. 105.
 Mizis Yu.A. 1990. Zaselenie Tambovskogo kraja v XVII-XVIII vekakh: Ucheb. posobie. Tambov, Tamb. gos. ped. in-t. 105.

8. Мизис Ю.А., Скобелкин О.И., Папков А.И. 2015. Теория фронта и юг России в XVI – первой половине XVIII в. Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 10: 7-14.
 Mizis YU.A., Skobelkin O.I., Papkov A.I. 2015. Teoriya frontira i yug Rossii v XVI – pervoj polovine XVIII v. Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. 10: 7-14.
9. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск IV. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk IV. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
10. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск V. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk V. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
11. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск VI. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk VI. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
12. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск VII. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk VII. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
13. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск VIII. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk VIII. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
14. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск IX. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk IX. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
15. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск IX. Ч.2. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk IX. CH.2. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
16. Переписи населения России. Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646 – 1858). 1972. Выпуск X. М., Академия наук Союза ССР.
 Perepisi naseleniya Rossii. Itogovye materialy podvornykh perepisej i revizij naseleniya Rossii (1646 – 1858). 1972. Vypusk X. M., Akademiya nauk Soyuz SSR.
17. Скобелкин О.В. 2013. Служилые люди южного фронта: особенности землевладения, земельной и сословной политики государства во 2-й половине XVII в. Вестник Воронежского государственного университета. Серия: История. Политология. Социология. 1: 58-65.
 Skobelkin O.V. 2013. Sluzhilye lyudi yuzhnogo frontira: osobennosti zemlevladieniya, zemel'noj i soslovnoj politiki gosudarstva vo 2-j polovine XVII v. Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Politologiya. Sotsiologiya. 1: 58-65.
18. Швецова Е.А. 1966. Колонизация Тамбовского уезда в XVII в. Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Кишинев, 208-216.
 SHvetsova E.A. 1966. Kolonizatsiya Tambovskogo uezda v XVII v. Ezhegodnik po agrarnoj istorii Vostochnoj Evropy. Kishinev, 208-216.